

Работа Дж. Э. С. Томпсона «Бакабы, их изображения и их знаки» является в сущности продолжением и развитием более ранней статьи того же автора⁷. В данном случае, однако, рассмотрение ограничено только областью майя. Томпсон подробно излагает данные литературных источников об этих божествах, анализирует их изображения в пластике Чичен-Ицы и Копана, а также в росписях на сосудах и в иероглифических рукописях. Подробно исследуются связанные с ними иероглифические знаки. Работа Томпсона дает очень много для дальнейшего изучения майяской религии и памятников изобразительного искусства. К сожалению, автор не проанализировал роспись в тикальском «Храме фресок», являющуюся, по нашему мнению, древнейшим изображением бакабов⁸. Это позволило бы ему значительно расширить как хронологические рамки своего исследования, так и выводы.

В последней статье сборника, написанной Р. Э. В. Адамсом, делается попытка анализа социальной структуры общества майя в классической период (на материалах южного района). Он сознательно абстрагируется от данных по позднему юкатанскому обществу, считая, что мексиканское завоевание и разница в шесть столетий могли внести существенные изменения. Автор правильно отмечает, что в рассматриваемый период майяское общество было классово дифференцированным. На основе данных изобразительного искусства и археологии Р. Э. В. Адамс намечает существование нескольких социальных групп. Знать сосредоточивала в своих руках политическое управление обществом, играла главную роль в военных операциях и важнейших религиозных церемониях. Правители, по всей видимости, рассматривались как полубожественные существа; на это указывает культ стел и посвященные им храмы. В руках знати было и руководство внешней торговлей. Анализируя памятники монументальной архитектуры, Р. Э. В. Адамс приходит к правильному выводу, что небольшие размеры святилищ классического периода указывают на ограниченный круг допущенных к данному культу (стр. 491). Относительно назначения дворцов автор справедливо указывает, что понятия удобства и роскоши у древних майя могли значительно отличаться от взглядов современного европейца. К сожалению, Адамсу, видимо, осталось неизвестным, что оба эти вопроса уже были разобраны в советской научной литературе около десяти лет назад⁹. Анализу данных о непосредственных производителях, наиболее многочисленной группе майяского общества, Адамс не уделяет внимания. Зато он довольно подробно характеризует ряд профессий, связанных с обслуживанием нужд знати: изготовители церемониальных костюмов, музыканты, слуги, скульпторы, строители, живописцы, оружейники, писцы и др. В целом статья Адамса представляет полезную и свежую сводку материалов и привлекает внимание новым подходом к весьма важному вопросу.

В заключение можно отметить, что все три рецензируемых книги содержат большое количество нового, хорошо документированного материала, целый ряд тонких наблюдений и интересных выводов; они, несомненно, принесут большую пользу всем специалистам по истории и культуре древних майя.

Р. В. Кичжалов

⁷ J. E. S. Thompson, *Sky bearers, colors and directions in Maya and Mexican religion*, Washington, 1934.

⁸ Р. В. Кичжалов, *Искусство древних майя*, Л., 1968, стр. 34—36.

⁹ Р. В. Кичжалов, *Искусство майя классического периода*, в сб. «Культура индейцев», М., 1963, стр. 66—67, 70.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнография имен. М., 1971, 263 стр.

В последнее время внимание к ономастике в Советском Союзе непрерывно растет. Подтверждение этого — издание ряда книг, в том числе и рецензируемого сборника. Появление коллективных трудов такого типа свидетельствует о становлении нового, очень интересного научного направления — этнической ономастики.

Сборник состоит из многих статей, весьма отличных друг от друга и по тематике, и по глубине научного анализа, и по подходу и манере письма, и, наконец, по объему.

Но несмотря на это, может быть, даже благодаря этому, они удачно дополняют друг друга, с разных сторон раскрывая этнографическое значение ономастических материалов, и в целом сборник выглядит, как довольно гармоничное и стройное, хотя и достаточно сложное, структурное целое.

Бесспорным украшением сборника является ряд статей, выполненных на высоком научном уровне. Это лаконичная, но емкая статья В. В. Пименова, в которой методом количественного исследования (с обработкой данных на счетной машине) определяются факторы выбора имени у удмуртов и делается вывод, что интерес к традиционным именам убывает и будет убывать.

Это изящные тюркологические миниатюры Н. А. Баскаксова, продолжающие его давние изыскания о происхождении русских фамилий из тюркских корней. Однако вызывает сожаление, что эти публикации (их уже семь) разбросаны по весьма разным изданиям, тогда как они представляют собой последовательную серию.

Очень стройна и богата выводами о своеобразных структурных закономерностях работа В. А. Липинской. В ней выявляется изменение сельских микротопонимов во времени, их относительное значение, типология, дается классификационная статистика.

В последовательно дедуктивной статье Д. В. Деопика и М. А. Членова на базе всего лишь одной пары формантов (правда, учтенных с исчерпывающей полнотой и количественным охватом) раскрываются кардинальные вопросы этнической истории, показывается, как с помощью топонимического материала можно осветить многие вопросы этапов расселения народа, в данном случае малайцев.

Очень впечатляет смелостью подхода к теме, широтой и одновременно солидностью и обоснованностью своих сопоставлений превосходная статья Л. С. Толстовой. В ней на базе исторической ономастики проанализированы глубокие взаимные связи древней Средней Азии с переднеазиатским Востоком.

Статьи И. Г. Косикова, Н. И. Шатиновой, Т. И. Тепляшиной, С. С. Губаевой, на наш взгляд, не претендуют на выявление закономерностей в решении проблем, но вносят ценный информационный материал.

Однако в адрес многих статей сборника нельзя не сделать порой весьма серьезных критических замечаний.

В статье Я. В. Чеснова удачно раскрыто древнейшее (предэтнонимическое по терминологии автора) противопоставление «свой — чужой», но связь между этими данными и материалом последнего, заключительного абзаца не совсем ясна, т. е. не раскрыт механизм перехода от предэтнонимов типа «свой — чужой» к древнейшим этнонимам типа «люди».

Есть некоторые неточности и в статье А. М. Решетова. Антропоним, бытующий в устной речи, вопреки мнению автора, не изменится от того, запишут ли его иероглифами или буквами. Другое дело конкретная традиция фонетического сохранения или переименования антропонима в иноязычной среде. Имена широко популярных людей, типа Жан Габен или Обри Бердсли, постарайтесь как можно ближе к звучанию оригинала воспроизвести в своей речи и русский, и бенгалец, и вьетнамец, и японец. Но короля Джеймса мы по традиции продолжаем называть Иаковом Стюартом. Капитана же Джеймса Кука сейчас зовем Джеймсом, хотя в начале прошлого века печатали труды Иакова Кука. Именно по этим, совершенно условным, вовсе не обязательно связанным с иероглификой традициям, Чжу Дэ-хай в речи корейца будет назван Чу Ток Хэ, в Японии Ли Бо станет Ри Хаку, точно так же, как господин Линь из Пекина в Гуанчжоу будет назван г-ном Лимом. Кстати, в тексте статьи некоторые эти имена набраны с опечатками.

Традиция воспроизведения топонима или антропонима может измениться и в странах с иероглифической письменностью. Еще лет 10—20 назад топоним Вьетнам в Японии произносился соответственно традиционному чтению иероглифов, Эцунан, а сейчас фонетически транскрибируется Бэтонам.

С. М. Хайдакову следовало бы «переводы» на русский язык лакских фамильно-родовых имен взять в кавычки, а заодно сообщить читателю, под какими же все-таки фамилиями записаны в своих паспортах граждане из родов Хабашнахул, Хьюччаххул, Къалланхул. Думается, что все-таки не «Абиссоновы», не «Львовы» и не «Леваковы». Можно попытаться догадаться, что Къюнкърайхул, действительно, ходят под фамилией Кюнкраевы, но все же хотелось бы не догадываться, а узнать все это от автора с достоверностью.

Из статьи М. Ф. Семеновской остается непонятным, почему в русском варианте несклоняемой фамилии Фрунзе род. пад. заменяется имен. пад. Какая формальная разница между формами ул. Райниса, отнесенными в пункт 1, и ул. А. Упита, отнесенными в пункт 2? Как звучат сегодня в латышском варианте улицы Прибрежная, Вальная, Пензаская? Одним словом, все приводимые примеры надо было бы точно указать в латышской и русской форме.

В. А. Скрозниковой следовало бы прямо указать в статье, что топоним «Мекстаун» стал нарицательным словом, подобно слову «Маймачен» для китайских поселений в Монголии, или русским словам Шанхайчик. Нахаловка и др. Не совсем удачно словосочетание «bean eaters», переводимое как «пожиратели гороха» (кличка мексиканцев). Ведь мексиканцы едят не горох, а фасоль, beans — значит бобы, а горох по-английски — pea.

Некоторые замечания вызывает в общем неплохая статья Г. Ф. Фельде — единственная в сборнике работа по зоонимии. Непонятно, однако, почему собакам дают клички, которые, якобы, меньше ассоциируются для русского с человеческим существом, например Ирма, Ральф, а свиней не стесняются величать Сидор Карпыч. Кроме того, представляется, что задача исследователя — прежде всего, констатация фактов и их закономерностей. Рекомендации же в области хорошего вкуса, этических и эстетических критериев требуют большей осторожности, не терпя поспешности и категоричности. Пожалуй, нет особой разницы в таких кличках для парнокопытных, как, с одной стороны, нелепая, по мнению автора, Редукция, а с другой — удачная, по его мнению,

Злот и Атлас. Точно так же клички Лидка и Лушка не кажутся более оскорбительными для человека, нежели Джек и Джим.

В целом сборник производит очень хорошее впечатление, и хотелось бы надеяться, что в дальнейшем сложившаяся традиция выпуска в свет работ такого рода будет продолжена.

С. А. Арутюнов

Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник МАЭ, т. XXVI, Л., 1970, 384 стр. с илл.

Коллекционные собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, накапливавшиеся в течение двух с половиной столетий, служат надежным фундаментом для исследований в различных областях этнографии и антропологии.

Выход в свет очередного сборника МАЭ, подготовленного сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР под редакцией Н. А. Кислякова, значительное событие в научной жизни.

Достоинство рецензируемого сборника заключается в том, что в его основу положен региональный принцип. В научный оборот введен коллекционный материал по культуре и быту народов Средней и Передней Азии.

Семь статей сборника посвящены народам советской Средней Азии. Содержащиеся в них материалы, отражающие дореволюционное прошлое этих народов, помогают реально представить, что «... за полвека, прошедшие с момента установления в Средней Азии Советской власти, жизнь народов этой части СССР неузнаваемо изменилась. Советские республики Средней Азии за эти годы превратились из отсталой колониальной окраины царской России в цветущий край с широко развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством» (стр. 3).

Весьма ценной для исследователей истории религии и культов является публикация в статье Н. А. Кислякова материалов о votивных предметах горных таджиков, представляющих собой приношения верующих к местам мусульманских святынь («мазарам»). Представляется весьма убедительным соображение автора о том, что «... в основе почитания мазаров лежал и культ мусульманских „святых“ и более древний культ деревьев, источников, камней и других объектов» (стр. 5). Мазары горного Таджикистана подразделяются на две группы: к первой отнесены собственно гробницы «святых», ко второй — различные почитаемые объекты — отдельные деревья, рощи, скалы, пещеры, источники.

Шесть статей рецензируемого сборника сходны по тематике и посвящены описанию традиционной одежды и украшений, являющихся ценным историко-этнографическим источником у народов Средней и Передней Азии.

В статье Р. Я. Рассудовой дается достаточно полное описание обычной домашней одежды горных таджиков верховьев Зеравшана первой четверти XX в. Автор приходит к выводу, что в этом регионе одежда не дифференцировалась по полу и возрасту. В работе приводятся также данные о различных видах кроя и высказываются мысли об использовании собранных материалов при будущей работе над этнографическим атласом.

Статья ныне покойной Э. Г. Гафферберг посвящена одежде белуджей Туркменской ССР. Изучению этой национальной группы и некоторых других, переселившихся в 1923—1929 гг. из Афганистана в СССР, Э. Г. Гафферберг посвятила всю свою жизнь. Этнограф по образованию, по призванию и по большому опыту полевой, музейной и исследовательской работы, она достойно представляла нашу науку не только в своих трудах, на научных сессиях и конференциях, проводившихся в нашей стране, но и на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г.).

В опубликованной ею в 1969 г. в Ленинграде монографии «Белуджи Туркменской ССР» Э. Г. Гафферберг показала себя как зрелый исследователь, умело использующий методы этнографической науки для изучения народной жизни во всем ее многообразии. Безвременная кончина Э. Г. Гафферберг в 1971 г. не позволила ей осуществить ее научные замыслы. Статья в данном сборнике — одна из последних работ ученого — является ценным дополнением к названной монографии. С присущей исследовательнице тщательностью обработаны в статье собственные полевые материалы (1958—1967 гг.) и описаны две коллекции, собранные во время экспедиций 1929 и 1957—1962 гг.

Наряду с описанием типов тканей кустарного производства, в статье подробно рассказывается о выработанных многими поколениями белуджей способах снятия мерок и раскройки одежды. Многочисленные данные о покрое одежды и ее функциональной специфике позволили автору провести параллели в одежде белуджей и других иранских народов. Автор проявляет должную осторожность, замечая, что изложенные им «... параллели и предположения являются лишь весьма предварительными, ибо как имеющиеся в нашем Музее коллекции, так и литературные данные настолько скудны,